ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» *(F. Bacon)*

3/2019

6+

После постмодерна. Новые горизонты

?

3/2019 В НОМЕРЕ

4 **ГЛАВНАЯ ТЕМА**

После постмодерна. Новые горизонты

8 *Александр Марков*
Литература: новое культурное состояние

Сейчас границы литературы сместились. При этом мы не сможем сразу ответить, почему, скажем, «Похвалу глупости» и «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского мы относим к литературе, а не менее образно и гладко написанные его труды «Оружие христианского воина» или «Рассуждение о свободе воли» — нет. Почему «Утопия» Томаса Мора — литература, а «История Ричарда III» — историческое сочинение.

17 *Катерина Груздева*
Музыка — вечный дом

Наверняка в умах уже бродила и высказывалась мысль, что раз архитектура — это застывшая музыка, то музыка, наоборот, — движущаяся архитектура.

25 *Катерина Груздева*
Время — главный архитектор

Если отталкиваться от знаменитого тезиса «архитектура — застывшая музыка», то кажется обязательным, особенно в рамках темы «новое культурное состояние», рассматривать архитектурные вопросы «симфонически»…

34 *Михаил Эпштейн*
Наброски к теории всего

Интерес к гуманитарным наукам, падавший на рубеже XX—XXI веков из-за гигантского успеха естественных наук и технологий, теперь начинает возрождаться, как ни парадоксально, именно благодаря этим успехам.

42 **НОВОСТИ НАУКИ**

44 **ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ**

45 **ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ**

Сергей Ястребов
Рационализация индивидуального развития

Проблема связи (как тогда говорили, параллелизма) между индивидуальным развитием живых организмов и их межвидовыми различиями стала совершенно очевидной в апреле 1825 года.

52 **РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ**

Борис Жуков
Уроки страха

53 **КАК МАЛО МЫ О НИХ ЗНАЕМ**

55 **КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ**

Луна: взгляд с Земли

Освоение Луны могло бы стать той задачей, вокруг которой можно было бы строить будущее. И сегодняшние наши планы нацеливают именно на выполнение этой достойной задачи.

60 **НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ**

Леонид Намер
История про воду и кофе

Вопрос о структурах в «реальной воде» на данный момент не может считаться закрытым.

3/2019 В НОМЕРЕ

65 **СУММА ТЕХНОЛОГИЙ**

Алексей Ренкель
Бетон вокруг нас
Некоторые исследователи утверждают, что бетон использовали в Древнем Египте и при строительстве Великой китайской стены, но массовое применение он получил в Древнем Риме.

71 **НОВОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ**

73 **ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ**

Сергей Храмков
Начало Гражданской войны в России

81 **ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ**

Юрий Кирпичев
Корабли, пряности, пошлины
Португальцы с испанцами самонадеянно поделили мир на сферы влияния, но вскоре в океаны вышли за своей долей заморских сокровищ англичане и голландцы, не желавшие считаться с их амбициями.

87 **ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРОСТРАНСТВО**

Владислав Дегтярев
Свет и контроль
Стекло, создавая прозрачные преграды, преодолеть которые может только зрение, одновременно соединяет и разъединяет, открывает и скрывает…

92 **В ФОКУСЕ ОТКРЫТИЙ**

Дела нейтринные

94 **У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ**

Александр Волков
«Вызываю весь мир Марр мор — на бой!»

102 **ВО ВСЕМ МИРЕ**

104 **ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ**

Андрей Тартаковский
Неразгаданный Барклай
Еще в 1832 году вышел русский перевод многотомного труда Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», где Барклай признавался главным виновником поражения французского императора.

110 **ВГЛУБЬ ВРЕМЕН**

Александр Волков
Философ и тиран

115 **МИР ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

Леонид Перлов
Лицом к морю

122 **РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ**

Василий Климов
Божественная тиляпия

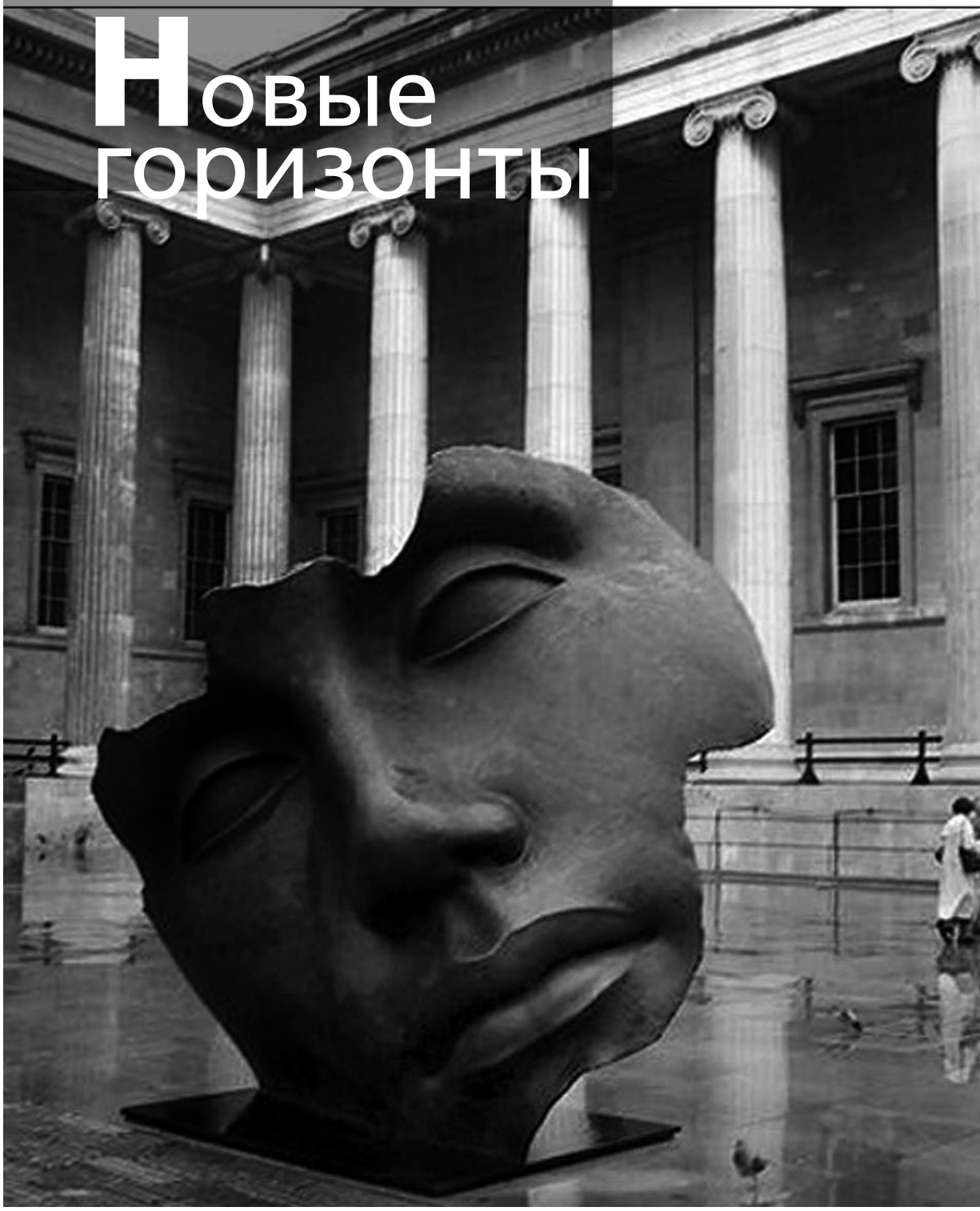
125 **ЮБИЛЕИ КРУГЛЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ**

128 **ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ**

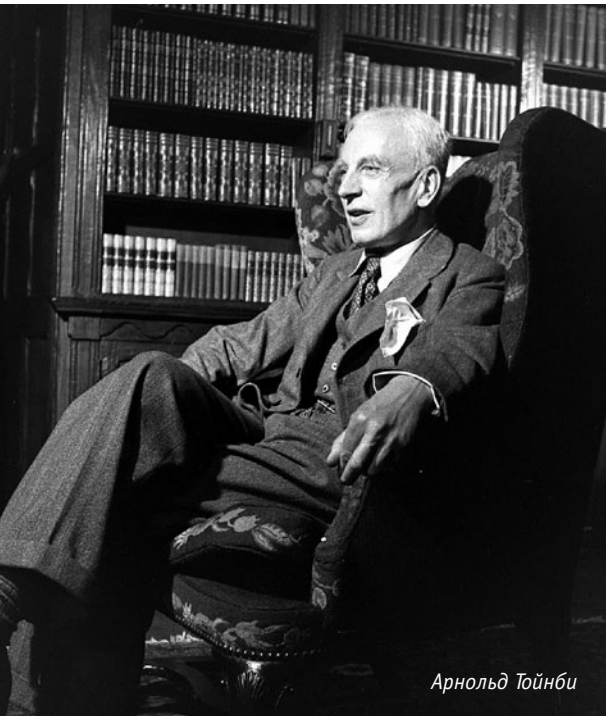
После постмодерна.

Новые горизонты

«Проект «постмодерн» закрыт официально», — написал кто-то в одной из социальных сетей в начале декабря прошлого года, комментируя весть о смерти одного из самых значительных русских прозаиков последнего полстолетия, Андрея Битова. Ну, «официально» постмодерн никогда и не открывался (и вряд ли был «проектом», то есть — умышленным, продуманным, намеренно устроенным предприятием, — скорее, культурным состоянием, то есть чем-то таким, что владело всеми нами помимо нашей воли, диктуя нам образ мысли и вообще характер видения мира). А вот о том, что он подходит к своему концу, что эпоха «постсовременности» исчерпала себя, — разговоры ведутся уже не первое десятилетие — ничуть не уступая в продолжительности спорам о том, в чем этот постмодерн, собственно, состоял и когда он вообще начался. (Уж сколько раз, подумаешь, его закрывали, — а он все не кончается и не кончается…)

Арнольд Тойнби

В самом деле: за бесконечными разговорами о «кризисе культуры», о ее упадках и тупиках, ведущимися уже по меньшей мере столетие (они начались еще до Первой мировой войны!), — за этими разговорами, успевшими породить необозримое множество стереотипов и набравшими было новые обороты в связи с постмодерном и постмодернизмом — живо обсуждавшимися лет эдак двадцать назад, жгучей новым для нас тогда (в западной мысли понятие постмодерна было в активном обороте уже с середины пятидесятых, а Арнольд Тойнби употреблял это слово еще в 1939-м, обозначая так период после Первой мировой, — затем он передвинул точку начала «постсовременности» аж к 70-м годам XIX века), не упустили ли мы из вида того простого обстоятельства, что никакая культура не может пребывать в кризисе постоянно? Рано или поздно она из него выходит; она живая, она постоянно порождает новые формы.

Так каково же все-таки новое культурное состояние и — самое главное! — какие горизонты оно открывает перед нами?

Сейчас даже не так важно, как его называть (неуклюжее многоэтажное слово «пост-постмодерн» уже существует, но оно решительно не кажется удачным). Важнее всего — понять, как это новое возникает. Из какого материала оно делается. Ведь наверняка же и сегодня возникают новые пути мысли и воображения, новые науки, новые культурные практики. Совсем новые. Не спорящие со старым (сколько можно уже, в конце концов?), а делающие что-то свое — чему еще предстоит быть понятым?

Как устроены эти новые пути, куда и почему они направлены? Возможно ли вообще создавать (и направлять) их намеренно?

Ну и, наконец, — можем ли мы сейчас составить себе хоть сколько-нибудь цельное представление о наступающей, формирующейся на наших глазах культурной эпохе? Или еще рано? Но хотя бы отдельные точки роста наметить можно?

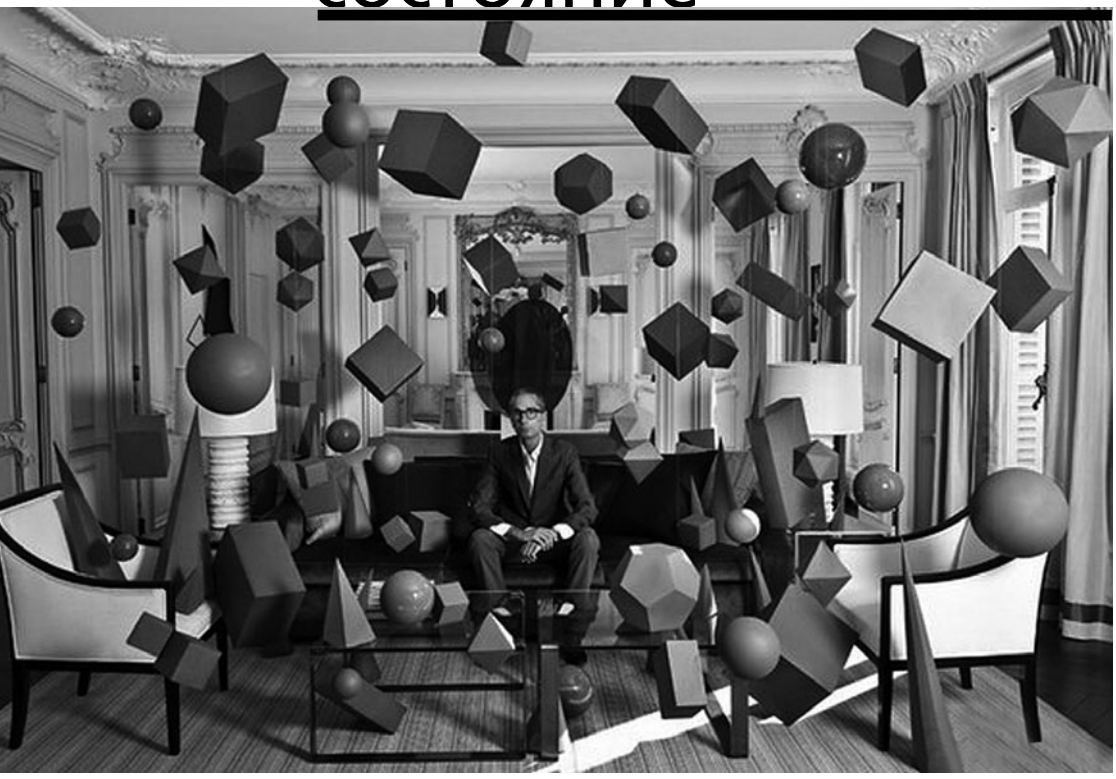
(Если сегодня — предположим — еще не пора говорить и знать о том, куда ведут и заведут нас новые пути, то думать над тем, как именно они возникают — уж точно самое время.)

Чтобы это понять, мы и говорим в Главной теме мартовского номера о предметах, которые, на первый взгляд, могут показаться никак между собою не связанными: о литературе, о музыке, об архитектуре, — о том, что происходит в них сегодня, какое «сырье» разминает в своих чутких пальцах время, чтобы слепить нам из него новую эпоху? Ведь всерьез говорить о новом можно только на конкретном материале. Но на самом-то деле всё это связано, потому что и разные искусства, и науки, и разные формы мысли, воображения и действия — не что иное, как разные стороны одной культуры. Поэтому в конце концов мы включаем в разговор философа, теоретика культуры, видящего и понимающего ее в целом.

Александр ***Марков***

Литература: новое культурное состояние

От мировой литературы к диагностике

Когда в 1827 году Гете впервые заявил о мировой литературе, в которую нужно внести свой вклад, он сразу потребовал от авторов поспешности: чтобы литература не заполнилась мусором, плохими переводами и плохо рассказанными сказками, народам земли надлежит поторопиться передать ей лучшие создания своего духа. Отверг Гете и романтическую незрелость, способность романтиков поддаваться любым влияниям и спешно копировать готовые формы, схватывая их и запечатлевая в самодостаточных «фрагментах». Для романтиков литература превратилась в аффект от переживания очередного знакомства с воодушевляющей книгой или событием. А во всемирной литературе Гете все должны быть знакомы, все должны жить «на расстоянии

Марков Александр Викторович, филолог, философ, историк культуры, доктор филологических наук, профессор Российского гуманитарного университета.

голоса», как монахи древней Фиваиды, созерцавшие дух в тишине, но так, чтобы в случае болезни позвать друг друга на помощь. По мысли Гете, настало время, когда все национальные литературы зовут на помощь друг друга.

Для этой новой всемирной Фиваиды, для служения слову понадобился собственный устав и канон — под названием художественный перевод, осознанный как трудная задача.

Недостаточно знать хорошо чужой язык, с которого переводишь, нужно идеально знать свой язык, чтобы переводные произведения по-настоящему «прозвучали». Но ведь свой язык — это не завершенное сооружение, наоборот, любой перевод его обогащает и дополняет. Не предметы порождают объяснения, но объяснения — предметы, таков и оказался начальный принцип мировой литературы. Когда в страну приходят железные дороги, оказывается, что еще раньше в нее пришли романы, в которых они упомянуты.

В традиции нашей науки прижилось выражение «всемирная литература»: так называлось издательство, созданное в 1919 году при Наркомпросе при деятельнейшем участии Максима Горького, и это же слово употреблено в названии многотомного издания «История всемирной литературы», начатого в 1983 году. Последний проект не задумывался как завершенный, его полагалось довести сначала до 1965 года, потом до 1945-го, считая всю послевоенную литературу уже не историей, а неизбежным для сегодняшнего дня положением дел. Но и этот срок оказался недостижимым: последний вышедший том заканчивается на 1917 годе, что отсекает всемирную литературу от современности.

Слово «всемирный» возникло по недоразумению: в немецком языке есть слово «всеобщий», введенное в оборот из-за того, что слово «общий» стало значить «расхожий, пошлый», но слово «мировой» такого значения не приобрело. Вероятно, стремление придать немецкую весомость и солидность проекту оказалось неудачным, и весомость томов не породила сопоставимой весомости идей.

Сейчас о «мировой литературе» говорят с большой осторожностью. Границы литературы и не-литературы оказываются размытыми, что показывают и последние Нобелевские премии: документальная проза и рок-поэзия ценятся не меньше, чем романная проза. Казалось бы, это — простое признание литературой смежных областей творчества как важных для ее судеб. На самом деле, сдвиг глубже. В 1901 году, когда была присуждена первая Нобелевская премия по литературе, никто не сомневался, что роман или сборник стихов работает как механизм цивилизации, захватывающий воображение и при этом поощряющий свободу мысли свободного ума. За последними же решениями Нобелевского комитета, включая решение 2018 года не давать премию никому, стоит другое понимание литературы — как диагностики: роман не смог поставить диагноз современному обществу, чтобы мы нашли пути лечения, — скорее всего, песня или репортаж с их остротой и актуальностью с этим справятся лучше. Но как возникает «актуальность» в литературе?

Границы литературы

В 1800 году ни у одного образованного человека не возникло бы сомнения, что «Левиафан» Томаса Гоббса, «Богатство народов» Адама Смита или «Наука побеждать» Александра Суворова относятся к литературе, причем к самой что ни на есть нужной и важной, в то время как романы пущены в нее недавно. Точно так же и в серии «Великие книги» Британской Энциклопедии есть не только Гомер, Рабле, Сервантес и Стерн, но и «Критика чистого разума» Канта, «Капитал» Маркса, «Происхождение видов» Дарвина и труды Фрейда. И даже, если мы скажем, что это — «книги», а не «литература», нас не оставит тревога: на каких основаниях мы считаем, например, Дарвина просто «книгой», а не «литературой», хотя его трудом вдохновлялись и вдохновляют-

ся профессиональные писатели? Или «Жизнеописания» Плутарха — книга, воодушевлявшая Гете и Наполеона — это источник по античной истории или приятное чтение?

Для нас сейчас границы литературы сместились. При этом мы не сможем сразу ответить, почему, скажем, «Похвалу глупости» и «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского мы относим к литературе, а не менее образно и гладко написанные его труды «Оружие христианского воина» или «Рассуждение о свободе воли» — нет. Почему «Утопия» Томаса Мора — литература, а «История Ричарда III» — историческое сочинение. Почему, если брать более раннее время, «Декамерон» или «Фьяметта» Боккаччо — литература, а его же «Жизнеописания замечательных женщин», аллегорическая поэма «Любовное видение» или даже его эротический триллер «Филоколо» — предмет исключительно ученого интереса специалистов? — хотя, казалось бы, что может быть интереснее, чем читать о знаменитых женщинах и о непостижимой любви!

С границами литературы имеют дело любые историки литературы: включать ли в историю литературы медицинские или военные трактаты. Когда составители истории национальной литературы в первый том включают всё, что написано на национальном языке, будь то деловые письма, сельскохозяйственные трактаты или неуклюжие стихи, а с каждым новом томом делают отбор всё более строгим, то это оставляет больше вопросов, чем ответов. Допустим, с какого-то этапа медицинские трактаты читают только врачи. Но как быть, если эти врачи одновременно писатели, философы, моралисты, и стиль медицинских трактатов влияет на их художественную речь? Или, например, лингвистические трактаты легко отнести к истории науки, а не литературы, но как быть, если они являются единственным документом, показывавшим, как некогда мыслилась организация письменной речи? Когда великие наследники античной культуры, христиане Боэций и Кассиодор, занимались логикой, грамматикой и теорией музыки, им было важно не просто передать знания современникам и потомкам, но и организовать литературное производство, указать, что и как познавать в окружающем мире и как это записывать.

Не надо думать, что это ситуация только давно минувших дней. Хозяйка середины XIX века могла читать акафист как интересный рассказ о небесных обителях, а советская хозяйка через сто лет — «Книгу о вкусной и здоровой пище» как рассказ об идеальной сытой жизни. Некоторые кулинарные книги, как «Лекции господина Пуфа» Владимира Одоевского, даже задумывались как бытописательные романы, а уже во вторую очередь — как практические вещи. Да и сам жанр романа исторически таков, что в него могут входить и кулинарные рецепты, и античные надписи, и журналистские репортажи, и инструкции по окраске стен или починке часов — все эти уцененные формы знаний, формы известности должны были привлечь внимание читателя, чтобы тот, закрыв книгу, почувствовал себя участником текущей живой жизни.

Когда в настоящее время одни книги вошли в канон досужего чтения, а другие остаются уделом специалистов, в том числе и бестселлеры своей эпохи, это говорит о том, что меняется сама природа досужего чтения.

С ходом веков оно становилось все менее зрелищным и «сенсационным» — и все более медитативным. Читатели учились не столько «встречать» героев, сколько переживать вместе с ними, радоваться за них, грустить вместе с ними. Роман, еще в 1800 году считавшийся досужим занятием, несмотря на неоспоримую славу Руссо или Стерна, в 1830 году уже признается ведущим жанром, именно потому, что он впитал в себя культуру исповеди и регулярного самоотчета, сменившегося регулярным чтением в удобном кресле — разве что отпущение

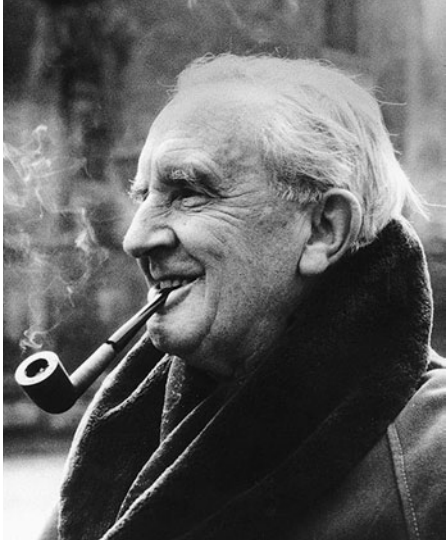
Иллюстрация к «Утопии» Томаса Мора

грехов заменилось проецированием их на героев и разрешением от них в открытом финале произведения. Поэтому, сколь бы ни впечатляло победное шествие науки, печальная антиутопия будет признана литера-

Иоганн Вольфганг Гете

Дж. Р. Р. Толкиен

Лукиан

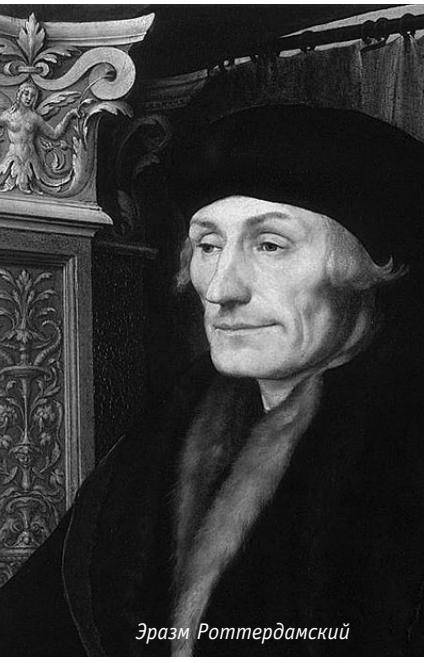
Мигель Сервантес

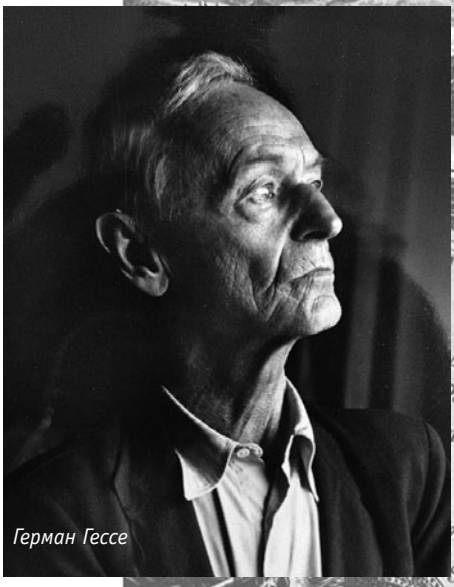

Джеймс Джойс

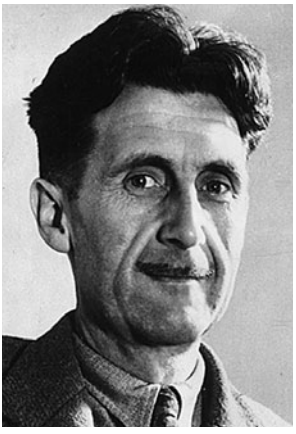

Эразм Роттердамский

Герман Гессе

Герман Гессе

Джордж Оруэлл

Михаил Айзенберг